

ОТКРОВЕНИЕ ГЕРМЕСА ТРИСМЕГИСТА

III КОСМИЧЕСКИЙ БОГ

ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА ФЕСТИУЖЬЕРА
ИЗ ОРДЕНА ПРОПОВЕДНИКОВ,
научного руководителя
в Практической школе Высших Исследований

Издательство Велигор
Москва 2020

16+

УДК 133.52+141+339

ББК 86.42

Ф44

Перевод с французского

Владимира ТКАЧЕНКО-ГИЛЬДЕБРАНДТА (ПРАНДАУ)

- Ф44 Фестюжьер Андре-Жан
Откровения Гермеса Трисмегиста. III. Космический Бог. — М.:
ТД Велигор, 2020. — 464 с.: ил.

Вторая книга второго тома «Космического Бога» из фундаментального произведения Андре-Жана Фестюжьера «Откровение Гермеса Трисмегиста» в переводе на русский язык Владимира Ткаченко-Гильдебрандта посвящена проблеме формирования эллинистического монотеизма – как результата встречи греко-римской культуры с египетской и иудейской традициями в ходе эллинизации стран Ближнего Востока. Формой для кристаллизации этого процесса могли послужить герметические сообщества I столетия до н.э. и I века н.э.

Вообще, данный период эклектической философии и возникновения на ее основе нового миропонимания в ходе интеллектуального и духовного синтеза Фестюжьер связывает с двумя потрясающими фигурами – Посидонием Родосским, от которого дошли до нас одни фрагменты, и Филоном Александрийским, основной массив сочинений которого не переведен на русский язык. Связующим звеном синтеза стало учение о «Космическом Логосе» Филона Александрийского, которого Фридрих Энгельс назвал «отцом христианства».

Книга предназначена не только для историков философии и студентов классических отделений филологических факультетов вузов, но и для широкого круга читателей, интересующихся герметизмом, эзотерикой и тайными философскими сообществами.

ISBN 978-5-88875-742-0

ООО «Торговый Дом Велигор»

г. Москва, м. Кожуховская, ул. 6-я Кожуховская, дом 24, 1 этаж, офис №4

Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.

E-mail: veligor97@gmail.com

© Торговый Дом «Велигор», 2020

Содержание

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.	
ДОГМАТИЧЕСКИЙ ЭКЛЕКТИЗМ	7
§ 1. Изменение перспективы	7
§ 2. Литература Введений	12
§ 3. Использование доксографий	18
I. Текущие мнения	23
II. Частные мнения философов	23
§ 4. Скептицизм и доксографии	31
ГЛАВА XIII. СВИДЕТЕЛЬСТВО ЦИЦЕРОНА	
О КОСМИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ	48
§ 1. Философические сочинения Цицерона (1)	48
§ 2. Космическая религия в трактате de natura deorum, II	54
I. Предмет и дух диалога	54
II. Анализ 1. II трактата de natura deorum (33)	63
A) СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГОВ, 2, 4 – 16, 44	66
I. Доказательства очевидности, 2, 4 – 4, 12	66
II. Аргументы философов, 5, 13 – 8, 22	66
III. Аргументы, взятые из знаний о естестве, 9, 23 – 16, 44	68
B) ПРИРОДА БОГОВ, 17, 45 – 28, 72	74
I. Бог-Мироздание и светила. 17, 45 – 23, 60	74
II. Народные боги 23, 60 (286.22) – 28, 72	76
C) ПРОВИДЕНИЕ БОГОВ В ОТНОШЕНИИ МИРОЗДАНИЯ 29, 73 – 61, 153	76
D) ОСОБОЕ ПРОВИДЕНИЕ БОГОВ О ЛЮДЯХ (72), 62, 154 – 66, 167	89

I. Провидение богов о человечестве в целом 62, 154 – 65, 163	89
II. Провидение богов об отдельных государствах и индивидах 65, 164 – 66, 167	90
III. Источники и идеи (74)	91
§ 3. Космическая религия в трактатах de re publica и de legibus (120)	115
I. Общий взгляд на два трактата	115
II. Пришествие латинского стоицизма	125
§ 4. Сон Сципиона (167)	135

ГЛАВА XIV.

ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЕВ ТРАКТАТ «О МИРЕ»	188
A. МЕТЕОРОЛОГИЯ (394 а 7-395 в 17)	194
I. ФЕНОМЕНЫ, ОБРАЗУЮЩИЕСЯ ИЗ ВЛАЖНЫХ ИСПАРЕНИЙ (394 а 7-9)	194
II. ФЕНОМЕНЫ, ОБРАЗУЮЩИЕСЯ ИЗ СУХОГО ИСПАРЕНИЯ	195
B. СЕЙСМОЛОГИЯ (395 в 18-396 а 27)	197
II. МОРСКИЕ ФЕНОМЕНЫ (396 а 17-27)	197
§ 2. Датировка и литературный жанр	209
§ 3. План трактата	238
§ 4. Доктрины трактата περί κόσμου	251

ПЯТАЯ ЧАСТЬ. ФИЛОН 277

ГЛАВА XV.

ШКОЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ У ФИЛОНА	281
§ 1. Литературные (протрептические) темы	281
§ 2. Научные сведения	289
§ 3. Общие философические места	294
§ 4. Общие мистические места	308
§ 5. Личные элементы у Филона	319

ГЛАВА XVI. СОЗЕРЦАНИЕ МИРА	339
ГЛАВА XVII. ПОЗНАНИЕ НЕВЕДОМОГО БОГА	369
ДОПОЛНЕНИЕ I. ОБ АРИСТОТЕЛИЧЕСКОМ ФРАГМЕНТЕ ФИЛОПОНА	391
ДОПОЛНЕНИЕ II	398
ДОПОЛНЕНИЕ III. ОБ ИСТОРИИ СЛОВА θεολογία	406
ADDENDA	418
КОСМИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ НА ПУТИ МОНОТЕИСТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ. ПОСИДОНИЙ РОДОССКИЙ И ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ <i>Послесловие переводчика</i>	429
ЛИТЕРАТУРА	456

Аллегория герметического Великого Делания
в контексте знаков Зодиака и четырех стихий

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

ДОГМАТИЧЕСКИЙ ЭКЛЕКТИЗМ

ГЛАВА XII

ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭКЛЕКТИЗМА

§ 1. Изменение перспективы

Такой, какой мы видели ее до сих пор, религия космического Бога нам представлялась связанной с системой идей. У Платона в *Тимее*, автора *Эпиномиса*, и у Аристотеля в *п. филосоφίας* космический Бог являлся, по сути, движущей Душой неба, предстающей в то же самое время Интеллектом или совершенным Интеллектом, как об этом свидетельствуют равномерность и совершенная упорядоченность движений небесных тел. Для этих философов религиозное чувство пребывало в тесной совокупности со знанием, астрономией, в IV столетии достигшей значительного развития. Значит, это была, если можно так выразиться, научная религия, по крайней мере, религия ученых. То же самое получалось и со стоицизмом. Бог Зенона, Клеанфа, Хрисиппа в целом являлся движущим началом и упорядочивающей причиной всех существ мироздания. Согласно степени этих существ в универсальной иерархии, божественное проникновение каждого из них приводит к более или менее откровенным последствиям, – либо к одному факту существования в качестве индивидуального существа, либо к жизни, либо к подвижности, либо к причине, – но это тот же самый Бог, который в них всех циркулирует. С тех пор это определенная физика (в древнем смысле слова), поддерживающая идею Бога; здесь

присутствует научное основание религиозного чувства. Здесь знание и религия еще образуют пару.

Далее, если у Платона и Аристотеля, как и у стоиков, знание – которое есть астрономия, с одной стороны, и физика, с другой, – приходила к теологии, то оно повелевало также этикой. Платон в *Тимее* говорит о согласованности движения человеческой души с небесными движениями, напоминая нам, что наша душа и небесные тела располагают тем же самым происхождением – это идея, приобретающая большое значение в *Эпиномисе* и в п. φιλοσοφίας. Союз между знанием и моралью представляется еще более тесным у стоиков. Ибо человеческий разум для них не что иное, как частица божественного Огненного Логоса.

Действовать в соответствии с этим Логосом значит действовать не только в соответствии с его человеческим естеством, но и согласно универсальному Естеству, коим является сам Бог. Наоборот, удаляться от Причины – это неизбежно утрачивать себя. И утрачивать без всякой выгоды. И поскольку мироздание не прекратит быть послушным божественному Закону, постольку события продолжатся своим путем, и человеку, в конечном счете, необходимо подчиняться плану Божьему. Отсюда видно, что в Академии (которой был привержен молодой Аристотель) и в стоицизме физика (или астронома) теология и этика образуют одну систему.

Но это не все. К данному троичному блоку необходимо еще прибавить логику, или лучше сказать – критику познания, являющейся точкой отсчета всякого философического исследования, которая была очень определенно, по крайней мере в случае с Платоном, точкой отсчета изыскания.

После полезной, но внешне разрушительной критики софистов, речь шла для Платона о раскрытии объекта познания, который бы не являлся субъектом ни для вечного потока чувственных феноменов, ни для софистической антилогии. Это мир Идей, составляющих данный объект. Но какая устанавливается связь между этим неизменным миром Умопостигаемых

вещей и всегда изменяющейся чувственной вселенной? Где найти в чувственной вселенной категорию феноменов, представляющих достаточно постоянства и равномерности, чтобы для человека знания проявился устойчивый порядок и возникла прямая связь с умопостигаемым миром?

Успехи астрономии в IV столетии позволили ответить на этот вопрос. С того дня, как было признано, что светила, до сих пор считавшиеся отклоняющимися, в действительности следовали постоянным законам повторения; что каждое из них обладало своим собственным циклом и что эти семь различных циклов обоюдно поддерживали и с неподвижными светилами регулярные взаимоотношения, поддающиеся измерению и счислению, – с этого дня стало позволительным одинаково видеть в небесных движениях как бы отражение умопостигаемого порядка. Эти движения предполагали движущую разумную Душу; эта Душа созерцала Идеи; и в зависимости от этого созерцания она управляла небесным порядком. Итак, знание, от которого должны были зависеть теология с моралью, оказалось связанным с первопринципами платонического размышления; и все вместе – критика познания, астрономия, теология и этика (политика) – складывалось в одну систему.

Не менее тесной предстает связь между знанием (физикой) и критикой познания в доктрине стоиков. На самом деле, если реально только телесное, то необходимо допускать, что всякое впечатление, производимое в душе телесным объектом, будучи реальным, несет отметину и как бы сигнатуру самой этой реальности; отсюда получается, что наш разум спонтанно придерживается этого, когда постигает предмет, подобным образом представленный, благодаря чему сообщает ему очевидность. Здесь неважно значение тезиса: из чего следует, по крайней мере, что теория познания является для стоика непосредственно связанной с первопринципами физики, от которых зависят в свою очередь теология и мораль. Одним словом, стоическая теология составляет неотъемлемую часть совокупности стоической системы. Именно в качестве учени-

ка Зенона, основателя Стои, Клеанф почитает и прославляет космического Бога.

Итак, когда после исчезновения в течение полутора столетий (1), мы вновь наблюдаем появление религии Мироздания во времена Цицерона (*Сон Сципиона*: 54 а. С.), Филона (с. 20 а. С. – 40 р. С.) и, очень вероятно, трактата *de Mundo*; эта религия, несомненно, хорошо сохраняет научный аспект; и в этом смысле она связана с определенной идеей мироздания и человеческой души, использовалась только образованными людьми и никогда не распространяясь в народной массе, хотя она больше не находится в зависимости от установленной философической системы. Она не практикуется только учениками Платона или Стои. Она преодолевает доктрины школы, становится общим достоянием всякого индивида, участвовавшего в *παιδεία* греков (греческом образовании), «создавшим свои классы», как мы бы сказали. Отныне таким будет ее характер вплоть до герметизма Плотина (2) и последних философов Афин и Александрии. Здесь содержится, по правде говоря, догма язычества. Придерживаться того, что мироздание прекрасно, что оно – великое чудо, достойное поклонения и любви, поскольку сам Бог проявляет разум и провидение Божие, им управляющие; такова непоколебимая позиция последних языческих философов в их полемике против тех из христиан, которые были склонны презирать чувственный мир (3). У язычников вопрос стоит уже не о тезисе школы, но об универсальной истине, по их мнению, настолько очевидной для мыслящих существ, что им будет достаточно видеть ее не признаваемой «атеистами» (христианами), чтобы отвергнуть целиком всякую христианскую доктрину.

Откуда происходит данное изменение? Чтобы это объяснить, нам необходимо хорошо изучить вышеуказанные полтора столетия (200–50 гг. до Рождества Христова), которые, с духовной точки зрения, остаются для нас, к сожалению, одним из наиболее темных периодов античности.